

В год столетия Октябрьской революции вполне закономерно возрастает интерес к событиям тех далеких лет. Поэтому мы сочли уместным еще раз вернуться к дневникам Александра Петровича Олферьева, в которых наглядно запечатлены картины прошлого, дающие достаточно полное представление о нравах и событиях переломного момента эпохи. Эти записи интересны и тем, что они воссоздают наиболее колоритные образы людей разных сословий тех лет.

ЦАРСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО КАТИЛОСЬ ПОД ГОРУ

Пришел и 1917 год, когда все благие намерения надо было откинуть и по возможности спасти хоть часть добра. Царское правительство катилось под гору, и надо было предпринять что-либо для выхода из тяжелого положения. Я решил приобрести в Саранске дом и купил хороший двухэтажный деревянный дом на Троицкой улице, принадлежавший Кузовковым, за 18000 рублей, причем наличными уплатил 8000 рублей, а 10000 рублей долга по залогу в банке перевел на себя. Дом я купил на имя жены. При доме был порядочный участок под садом, надворные постройки в хорошем состоянии и хорошая большая баня.

В феврале 1917 года царское правительство пало. Началась революция. Власть перешла в руки Временного Правительства, и положение землевладельцев стало тяжелым. Новая власть декларировала руководствоваться старыми законами. Население волновалось. Левые элементы усиленно агитировали в отношении землевладения. В Саранске все пошло вверх дном. Я пошел на первое собрание граждан в кинотеатр и со мной пошел мой приятель Владимир Иванович Карабанович. То, что нам там пришлось услышать и увидеть, привело прямо в ужас. Пошли домой в скверном и тяжелом настроении. Решили мы вызвать к себе Предводителя Дворянства Михаила Ниловича Филатова. Он сейчас же пришел к нам. Ему мы подробно рассказали все, что видели и слышали. Начали втроем обсуждать положение вещей и пришли к заключению, что надо немедленно собрать всех государственных служащих, деятелей Земской Управы и начальника гарнизона – командира 258-го запасного пехотного полка, полковника Атлантова. Все собрались в помещении Уездного Съезда и начали обсуждать создавшееся положение.

Прибыл на это собрание и городской Голова, Михаил Георгиевич Никитин. Уездным Исправником был некто Салтыков, личность крайне неважная и не пользовавшаяся симпатией населения. Все собравшиеся пришли к убеждению, что положение критическое и тяжелое, а что предпринять никто определенно не мог сказать. В это время в городской Управе собрались городские жители и наиболее левые элементы. Запасной полк пока был вполне спокоен, не проявлял никаких беспокойств и волнений.

Собралась масса народа, и тут начали создавать Революционный Комитет.

Председателем Комитета избран единогласно М.Р. Никитин, бывший Городским Головой. В члены комитета избрали меня, В.И. Карабановича, Б.Н. Обухова, Николая Ивановича Тутенкова (резко левого социалиста-революционера), Сыротникова (бывшего члена Городской Управы) - всего 12 человек. Был избран и Сергей Михайлович Поляков, социалист-революционер.

На следующий день в 10 часов было назначено собрание Комитетов. В городе наступило успокоение. Никаких эксцессов не проявлялось. От публики поступило требование об аресте исправника Салтыкова. Публика требовала арестованного содержать в месте заключения при полиции, в так называемой «Каталажке». Председатель обратился ко мне с просьбой разъяснить этот вопрос. Я сказал, что Временное Правительство декретировало руководствоваться старым Законом, а потому и арест исправника должен быть в его служебном кабинете. С этим согласился Комитет и публика. Поляков тот же час отправился арестовать исправника, и ему поручено принять меры к охране арестованного от эксцессов со стороны горожан и населения. За Поляковым ушла и большая часть публики. Поляков арестовал Салтыкова на его квартире и под охраной пошедшей за ним публики отвел его в полицейское управление. Это очень успокоило горожан. Все были довольны. Потом после окончания открытого Собрания в совещательной комнате я предложил Комитету поручить Полякову рано утром незаметно отправить Салтыкова на станцию железной дороги, и пусть он отправится, куда ему угодно, лишь бы исчез из города. Поляков все выполнил точно и аккуратно, и Салтыков исчез навсегда из города, но его исчезновение не вызвало никаких последствий. Были слухи, что его хотели уничтожить, но было уже поздно.

АРЕСТОВАТЬ «ВООБЩЕ»!

На третий день к Управе явился весь полк без офицеров и без ружей. Я был в своей обычной военной форме. В первый раз в жизни и, к счастью, в последний мне пришлось встать на стол вместо трибуны и держать речь. Я решил узнать настроение полка. Встав на стол перед полком, я по военному поздоровался с полком. На мое приветствие полк дружно ответил: «Здравия желаем Вашему Высоко Благородию». Тогда я поздравил полк с Революцией и переменой правления и начал говорить о свободе, при этом просил солдат крепко выполнять дисциплину и этим доказать, что они относятся к делу революции сознательно и поддержат Временное Правительство и его декрет о порядке и сознательности. Говорил я хорошо. Солдаты кричали: «Постараемся Ваше Благородие».

Подходит солдат, здоровенный детина, и просит арестовать командира полка. Вопрос жесткий и серьезный. Я ответил, что теперь это вполне возможно и что Комитет, наверное, удовлетворит просьбу, но только надо знать, за что арестовывать. Без основательных причин Комитет не вправе арестовать. На это заявитель ответил: «Да так, вообще». Тогда я стал вышучивать заявителя, разъясняя, что арестовывать «вообще» нельзя, а надо иметь основание. Окружающие нас солдаты начали смеяться, а заявитель стал отходить в глубь толпы.

СЕМЕЙНАЯ ДРАМА В УДЕ

Я уехал в Уду, где ждала меня моя семья. Я отдавал себе отчет в том, что вести имение вряд ли теперь возможно и на хозяйстве надо поставить крест. Только что приехал и не

успел войти в дом, явился делегат от сельского Схода, который приглашал прибыть на него по вопросу о земле - этой вечной крестьянской мысли. На сходе я предложил принять от меня очередное мое яровое поле, причем отдаю это поле бесплатно. Затем обратились ко мне с просьбой открыть кооперативную лавку. Денег на это я дал. Дома меня ждала драма. Моя мать, старушка крайне правых взглядов, была вся в нервах. Подан был чай в гостиной, и тут-то и произошла драма. «Что вы там натворили? Царя выгнали, и что теперь будет?» - так меня встретила Мать. Я говорю: «Я ничего не делал, а сделали это в Петрограде. Наш Царь отказался от престола». На это мать со злобой схватила стоявший на столе белый хлеб и бросила в меня и вся красная от волнения ушла в спальню. Хлеб я поймал, положил на стол и пошел к матери, чтобы ее успокоить. Насилу удалось успокоить ее и разъяснить положение вещей. Ведь она хорошо помнила крепостное право и период освобождения крестьян, и пережить теперешний переворот для нее было очень тяжело.

Февральская революция. 1.3.1917 нач. саранского гарнизона полковник Атлантов получил телеграмму, в к-рой извещалось о свержении монархии; в подразделениях гарнизона прошли митинги и собрания солдат. 2 марта в г. Саранск по заданию Нижегородского губкома РСДРП приехала группа ж.-д. рабочих. 3 марта в Саранске состоялась демонстрация, сопровождавшаяся погромами и арестами представителей власти. Подобные митинги и демонстрации прошли в г. Рузаевке, Инсаре, Темникове, Краснослободске, Ардатове. К 4 марта во всех уездах Мордовии стало известно о переходе власти в руки Врем. пр-ва. В нач. марта в уездах и волостях Мордовии формировались местные органы власти — исполнит. органы Врем. пр-ва. 7—11 марта распоряжением Врем. пр-ва в крае на пред. уездных земских управ были возложены обязанности уездных комиссаров Врем. пр-ва. 11—20 марта созывались крестьянские и земские уездные съезды.
(Из энциклопедии «Мордовия»).